

**ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ****Средневековая и новая история**

Научная статья

УДК 94(5)

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-14-32

EDN: AANHXY

**ИММИГРАЦИЯ ЧЕРКЕСОВ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ  
В 1820-Х – 1850-Х ГГ.****Георгий Витальевич Чочиев**

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН, Владикавказ, Россия, [georg-choch@yandex.ru](mailto:georg-choch@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0001-8082-7806>

**Аннотация.** Задолго до начавшегося на финальной стадии Кавказской войны массового исхода представителей народов Северо-Западного Кавказа в Османскую империю происходили спорадические групповые и индивидуальные миграции черкесов в султанские владения, прямо или опосредованно обусловленные российской военно-политической экспансией в регионе. Эти эпизоды раннего кавказского мухаджирства, равно как и положение переселенцев этого периода в османских владениях, зачастую остаются за пределами внимания исследователей. В настоящей статье главным образом на основе впервые вводимых в научный оборот турецких архивных источников и свидетельств современников выявляются имевшие место в 1820-х – 1850-х гг. факты прибытия на османскую территорию иммигрантских общин и семейств из Черкесии, прослеживаются их перемещения и основные места временного и постоянного поселения в Анатолии и характеризуются особенности адаптации переселенцев на новой родине в рамках формирующейся колонизационной политики Порты. В данном контексте уточняются также некоторые обстоятельства пребывания и деятельности в османском государстве одной из значимых фигур хаджретского сопротивления в Закубанье князя Хатокшоко Магомета Аша.

**Ключевые слова:** Османская империя, Северо-Западный Кавказ, черкесы, иммиграция, колонизация, адаптация, Хатокшоко Магомет Аша.

**Для цитирования:** Чочиев Г.В. Иммиграция черкесов в Османскую империю в 1820-х – 1850-х гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 14-32. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-14-32. EDN: AANHXY

---

© Чочиев Г.В., 2023

Original article

**IMMIGRATION OF CIRCASSIANS TO THE OTTOMAN EMPIRE  
IN THE 1820S – 1850S**

**Georgy V. Chochiev**

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS, Vladikavkaz, Russia, [georg-choch@yandex.ru](mailto:georg-choch@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0001-8082-7806>

**Abstract.** Long before the mass exodus of the Northwestern Caucasus people representatives to the Ottoman Empire during the final stage of the Caucasian War, there were sporadic group and individual migrations of Circassians to the Sultan's possessions, directly or indirectly caused by Russian military-political expansion in the region. These episodes of the early Caucasian muhajirism, as well as the situation of this settlers in the Ottoman possessions, usually remain outside the attention of researchers. This article, based mostly on the Turkish archival sources and testimonies of contemporaries introduced into scientific circulation for the first time, reveals the cases of immigrant communities and families from Circassia to the Ottoman territory, traces their relocations and main places of temporary and permanent settlement in Anatolia and characterizes the features of the settlers' adaptation in their new homeland within the framework of the emerging colonization policy of the Porte during the 1820s–1850s. In this regard, this article clarifies some circumstances of the stay and activity in the Ottoman state of one of the significant figures of the Hadjret resistance in the Trans-Kuban region - Prince Hatokshoko Mohammed Asha.

**Keywords:** Ottoman Empire, Northwestern Caucasus, Circassians, immigration, colonization, adaptation, Hatokshoko Magomet Asha.

**For citation:** Chochiev G.V. Immigration of Circassians to the Ottoman Empire in the 1820s–1850s. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 1. – P. 14-32. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-14-32. EDN: AANHXY

---

© Chochiev G.V., 2023

Одним из итогов Кавказской войны стал начавшийся на ее завершающей стадии процесс массового переселения представителей горских народов в Османскую империю, известный в отечественной историографии и общественном обиходе как мухаджирство<sup>1</sup>. Его первым значимым актом можно считать прибытие в Стамбул в декабре 1858 г. 1060 кубанских черкесов и ногайцев, которые, согласно официальному османскому документу, «покинули свою страну и пожертвовали своим имуществом, чтобы укрыться под спасительным крылом Высокого Халифата» [ВОА. І.ДН 420/27766]. Это событие положило начало длившемуся с переменной интенсивностью в течение нескольких следующих десятилетий потоку преимущественно вынужденной миграции, приведшему к формированию на Ближнем Востоке северокавказского рассеяния численностью в сотни тысяч человек – главным образом адыгов, абхазов и абазин.

---

<sup>1</sup> Слово «мухаджир» в рассматриваемый период обозначало в османско-турецком языке переселенца, обычно вынужденного, из одной страны или области в другую, утратив в значительной степени религиозную коннотацию, восходящую к хиджре пророка Мухаммеда. К примеру, в изданном в 1856 г. турецко-английском словаре *мухаджир* толкуется как «One compelled to abandon his country», а *мухаджерет* (мухаджирство) – как «An abandoning one's home and country» [Redhouse 1856: 1066]. При этом, хотя в официальных документах XIX – начала XX в. данные термины употребляются главным образом в отношении мусульманских иммигрантов и беженцев в Османскую империю из христианских государств (прежде всего из России), отмечены случаи их использования также и применительно к миграциям османских христиан и мусульман в Америку, османских армян в Россию, европейских евреев в османскую Палестину и т.п.

Очевидно, однако, что задолго до указанного времени имели место спорадические групповые и индивидуальные переселения жителей Северного Кавказа на османскую территорию, прямо или опосредованно обусловленные российской военно-политической экспансией в регионе и в какой-то степени предопределившие как направление будущих миграционных волн, так и базовые принципы политики Порты в отношении кавказских мухаджиров. Целью настоящей работы, опирающейся преимущественно на турецкие архивные источники<sup>1</sup> и немногие свидетельства современников, является выявление основных фактов иммиграции в пределы султанской империи общин и семейств выходцев из исторической Черкесии и характеристика особенностей их приема, расселения и адаптации в новой для них стране в хронологических границах от первых документально зафиксированных эпизодов данного рода в 1820-х гг. до разворачивания масштабного исхода черкесов с родины на рубеже 1850-х – 1860-х гг., иными словами, в период и на фоне продолжающейся Кавказской войны.

Наиболее ранним известным нам свидетельством османских документов о перемещении населения Северо-Западного Кавказа в султанские владения являются относящиеся к первой половине 1820-х гг. упоминания о попытке эмиграции какой-то части «беглых» кабардинцев или хаджретов. В составленном в октябре 1822 г. укрывшимися в крепости Анапа представителями кабардинского духовенства и знати обращении на имя шейх-уль-ислама (главного муфтия империи) выражалась просьба ходатайствовать перед Портой об их приеме и поселении в османских землях «как мухаджиров... ввиду невозможности терпеть далее гнет России» [ВОА. НАТ 1102/44553-В, 1102/44553-С]. В начале декабря комендант крепости Сейид Ахмед-паша переправил это прошение своему правительству с собственными пояснениями, в которых отмечал, что кабардинцы, «...сражаясь с русскими, своими силами пробились через границу и прибыли на территорию Высокого Государства (т.е. в Анапу. – Г. Ч.)», откуда намеревались отплыть в Стамбул, но были остановлены до выяснения позиции Порты по данному вопросу [ВОА. НАТ 1102/44553, 1102/44553-А]. По всей видимости, разрешение на коллективную иммиграцию кабардинцев в «материковую» часть империи на этом этапе получено не было. Внутри стен самой Анапы, однако, данная община продолжала проживать под защитой местного гарнизона и в последующие годы. В ноябре 1824 г. Сейид Ахмед-паша обратился к Порте с просьбой предпринять необходимый демарш перед посольством России в Стамбуле в связи с «агрессивным расположением здешних русских служащих к беженцам кабардинского племени» [ВОА. НАТ 1042/43107]. Нахождение последних под покровительством Порты было подтверждено в августе 1825 г. и

---

<sup>1</sup> Использованы документы из Османского архива Управления государственных архивов при Администрации Президента Турецкой Республики (Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi, сокр. – ВОА), относящиеся к фондам «Августейшие рескрипты» (Hatt-ı Hümayun, код – НАТ), «Высочайшие указы» (İrade, код – İ), «Великий везират» (Sadaret, код – А), «Министерство иностранных дел» (Hariciye Nezareti, код – НР), «Джевдет» (Cevdet, код – С) и их различным подфондам, а также опубликованные или цитированные в работах современных турецких исследователей материалы других фондов.

назначенным новым комендантом крепости губернатором Трабзонского эялета<sup>1</sup> Чечен-заде Хаджи Хасан-пашой<sup>2</sup> [ВОА. НАТ 1042/43104]. В одном из его донесений в столицу численность этой группы оценивалась в несколько сотен семейств [ВОА. НАТ 639/31452-А].

Уступка османами по Адрианопольскому мирному договору 1829 г. земель закубанских черкесов России придала новый импульс эмиграционным настроениям в среде адыгской знати. Так, в составленном в 1245 г.х. (не позднее 21 июня 1830 г.) послании натухайского предводителя Хунагу Девлет-Мирзы в Стамбул выражались разочарование и растерянность по поводу этого дипломатического решения, сообщалось о росте числа жертв среди черкесов в столкновениях с русскими войсками и высказывалась настоятельная просьба в случае неспособности или нежелания Порты защитить лояльное ей население предоставить ему – «ради спасения женщин и детей» – убежище на находящейся под управлением султана территории [ВОА. НАТ 1106/44620-D]. Требования разъяснить новый статус региона и проявить «милость» к его жителям содержались и в написанном тогда же обращении более чем 30 шапсугских старшин и духовных лидеров к османским властям [ВОА. НАТ 1106/44620-L]. Эти ожидания и озабоченности были непосредственно доведены до сведения высокопоставленных чиновников в Трабзоне и Стамбуле находившейся там летом-осенью 1830 г. представительной делегацией натухаевцев и шапсугов. Вскоре после этого на утверждение султана Махмуда II (1808-1839) поступило предложение великого везира о поселении в «подходящих местах» государства не желающих оставаться под российской оккупацией черкесов [ВОА. НАТ 1106/44620], лежавшее, в сущности, в русле 13-й статьи упомянутого договора, которая предоставляла российским и османским подданным право на свободный переезд из одной страны в другую в течение 18 месяцев после его ратификации [Шеремет 1975: 155-156].

Судя по всему, плодом описанной активности стал доставленный в Черкессию в ноябре того же года должностным лицом по имени Салахур (Сиялхдар?) Мехмед-ага и известный нам лишь по упоминаниям в русских источниках султанский фирман, санкционировавший прием в османское подданство и перевозку на османских судах черкесов, готовых покинуть родину в ограниченный срок с марта по май 1831 г. Впрочем, согласно донесению российского агента, это приглашение вызвало резко негативную реакцию участников «собраний старшин шапсугского и натухайского народов», возмущенных отказом Порты от участия в дальнейшей судьбе их страны [Томкеев 1898: 196; Фелицын 1904: 14-15]. Тем не менее, несмотря на отсутствие соответствующих документальных подтверждений, нельзя исключать, что незначительное число протурецки настроенных представителей верхушки запададыгских субэтнотетосов все-таки воспользовалось в последующие месяцы этой возможностью для эмиграции.

---

<sup>1</sup> Эялет (провинция, губерния) – административно-территориальная единица первого уровня в Османской империи в рассматриваемую эпоху. Единицами следующих уровней были санджак (округ), каза (уезд), нахийе (волость).

<sup>2</sup> Хасан-паша происходил из чеченской семьи, предположительно в XVIII в. обосновавшейся в городе Карахисар-и-Шарки (ныне Шебинкарахисар в провинции Гиресун) [Tosun 2014: 8-9].

Достоверный факт переселения в Османскую империю крупной группы отмечен лишь в 1250 / 1834-35 г., когда в порт Самсун в организованном порядке несколькими партиями было доставлено примерно 400 семейств (домохозяйств)<sup>1</sup> «черкесских и кабардинских мухаджиров» [ВОА. НАТ 737/34972]<sup>2</sup>. По некоторым данным, этому предшествовало обращение их представителей к трабзонскому губернатору с констатацией утраты ими из-за военных действий почти всего своего имущества и угрожающей их жизням на родине опасности. Примечательно, что созданная по этому поводу османскими властями комиссия дала разрешение на их иммиграцию с условием ее осуществления «семьями» [İrek et al. 2016: 25, 336], что указывает на наличие у Порты уже на этом этапе определенных демографических и хозяйственных расчетов в связи с кавказским мухаджирством.

Распоряжение великого везирата, изданное вслед за прибытием названных семейств и квалифицировавшее их как «достойных высочайшего милосердия и сострадания... беженцев», предусматривало их безвозмездное наделение земель в санджаках Самсун, Амасья и Чорум в Центральной Анатолии и освобождение от всех налогов на 3 года [ВОА. НАТ 737/34972]. Заслуживающим внимания положением этого документа представляется назначение, «подобно другим племенам», предводителем (*бей*) всей группы некоего Мехмед-бея «из их знати», что напоминает применявшуюся центральной властью до середины XIX в. практику управления через традиционных лидеров проживающими на территории империи полуавтономными сообществами (туркменскими, курдскими, албанскими племенами и др.) [Çelik 1999: 64-65; Orhonlu 1987].

Несмотря на очевидное стремление османского руководства к скорейшему превращению своих новых подданных в благополучный, самодостаточный и, соответственно, налого- и военнообязанный элемент населения, реальный процесс их поселения и адаптации в стране оказался сопряжен с немалыми трудностями и не лишен некоторого драматизма.

В этом отношении показательно адресованное султану недатированное прошение за подписью «главы (*мир*) трех-четырёх сотен семейств... черкесских и кабардинских бедняков» Хатозук-оглу Чолака Мехмед-бея, который, бесспорно, является тем же лицом, что и вышеназванный назначенец Порты. Более того, едва ли приходится сомневаться в том, что данный персонаж есть не кто иной, как известный участник хаджретского сопротивления в Закубанье князь Магомет Атажукин (Хатокшоко) [см. о нем: Алоев 2019; Мирзоев, Чанак

---

<sup>1</sup> В документе использован термин *хане* «дом, домохозяйство», который применительно к северокавказским иммигрантам второй половины XIX в. соответствовал, как правило, малой и лишь в редких случаях расширенной семье. Среднее количество душ в иммигрантских семьях, по некоторым подсчетам, составляло в этот период 4,1 чел., в т.ч. вследствие высокой смертности из-за тягот пути [Göyünç 1979]. С учетом этих данных подушная численность иммигрантов 1834 г. могла колебаться в пределах от 1,6 до 2 тыс. чел.

<sup>2</sup> Данный документ условно датирован работниками архива 1250 годом хиджры, соответствующим периоду от 10 мая 1834 до 28 апреля 1835 г. Несомненно, однако, что описываемая миграция началась и в основном состоялась в 1834 г. Это подтверждается как другими османскими материалами [см., напр., ВОА. С.ДН 137/6832], так и свидетельством составленного в июле 1837 г. российскими чиновниками «Обзора политического положения Черкесии» об «[о]коло 370 сем[ьях], вышедших три года тому назад из разных мест Кабарды и Черкесии» [Шамиль... 1953: 127]. По-видимому, именно эту миграцию имел в виду Султан Хан-Гирей в своем увидевшем свет в 1836 г. сочинении, говоря об уходе части хаджретов «в Турцию и Египет» [Хан-Гирей 1978: 160].



2022a], зафиксированное в источниках прозвище которого на его родном языке – *Иэшэ* (русифиц. *аша*), – как и турецкое *чолак*, означает «сухорукий, косорукий, безрукий». По свидетельству знавшего Атажукина барона Торнау, в 1834 или 1835 г. он, «тяжело раненный в правую руку, лишился возможности владеть оружием и поехал в Турцию лечить рану» [Торнау 2008: 331]. Трудно судить о наличии у князя других мотивов для этой поездки, помимо медицинских. Заметим лишь, что факт немедленного и безоговорочного признания его лидерства османскими властями указывает на определенные феодально-иерархические и владельческие отношения между ним и значительной частью остальных переселенцев, что в свою очередь наводит на мысль о намерении (или попытке) обосноваться в новой стране традиционной общиной – вместе с представителями зависимых групп и сословий. Что касается времени появления документа, то, согласно содержащемуся в самом тексте указанию, он был написан по прошествии одной зимы после миграции, то есть, по-видимому, весной 1835 г.<sup>1</sup>

Автор прошения после выражения чувств верноподданства государству османов и монаршей особе подчеркивал, что находящиеся под его началом мухаджеры, «лишившись родины и дома», прибыли в Анатолию в надежде «обрести покой под сенью Халифата». Из дальнейшего изложения следовало, что после долгих блужданий в районе Самсуна черкесы, перейдя Понтийский хребет, добрались до Мерзифона и затем Чорума, где «минувшей зимой» были остановлены чиновниками, которые, вероятно, намеревались рассредоточенно поселить их в этом и соседних санджаках. В противовес этому Мехмед-бей, напоминая, что его соотечественники «подобны племенам и общинам» (*ашаир ве кабаиль мисиллю олдуклары*), и ссылаясь на их «бедственное положение» и незнание ими турецкого языка и обычаев страны, просил султана дать указание мютеселлиму (исполняющему обязанности главы администрации) Чорума «собрать» группу на расположенной в местности Кадыкёй в нахийе Эмляк «пустующей и заброшенной на протяжении ста пятидесяти лет земле, ... достаточной для совместного поселения пяти-шести сотен семейств», а также землях в «других подходящих местах» того же санджака. В заключение выражалось желание о предоставлении переселенцам отсрочки в несколько лет от призыва на военную службу, по истечении которой каждое семейство должно было начать выставлять по одному воину для османской регулярной кавалерии [ВОА. С.ДН 137/6832].

К лету 1835 г. предложения Чолака Мехмеда о компактном поселении указанных семейств в Чоруме были в принципе одобрены Министерством внутренних дел [Мирзоев, Чанак 2022b: 82-83], однако, судя по отсутствию в последующий период упоминаний о сколько-нибудь крупной колонии северокавказцев в этом районе, на практике они не были реализованы в полной мере, воз-

---

<sup>1</sup> В одной из прошлых работ мы, исходя из общего контекста рассматриваемого прошения, ошибочно отнесли его к началу 1860-х гг., т.е. к периоду первых массовых черкесских иммиграций в Османскую империю [Чочиев 2015: 30]. Заметим, что содержащаяся в архивном описании документа условная датировка последним днем 1255 г.х., соответствующим 4 марта 1840 г., также не является верной и базируется, видимо, лишь на факте упоминания в нем административной должности мютеселлима, упраздненной в указанном году.

можно ввиду выявившейся недостаточности здесь фактически и юридически свободных земель (см. ниже о коллизии 1840 г.). С другой стороны, нельзя полностью исключать и того, что власти в конечном счете предпочли воздержаться от совместного размещения этой группы, к тому же под эффективным контролем над ней со стороны ее феодального предводителя<sup>1</sup>. Во всяком случае, примерно в этот период завершаются роль и полномочия Магомета Атажукина как формально признанного лидера своего сообщества в Османской империи. Не позднее начала 1836 г. он вернулся на родину, где спустя ряд лет закончил свой жизненный путь в сражении с русскими [Торнау 2008: 356; Мирзоев, Чанак 2022а: 39].

Немногочисленные документальные данные о дальнейшей судьбе иммигрантов 1834-1835 гг. свидетельствуют о быстрой фрагментации этой группы, позволяя лишь в общих чертах установить основные места постоянного или временного нахождения некоторых ее частей в Анатолии.

По всей видимости, в санджаке Самсун, где изначально высадились переселенцы, после ухода оттуда основного их массива осталось сравнительно небольшое число черкесов. В реестре населения (*нюфус дефтери*) центральной казы этого округа за 1250 / 1834-35 г. в категории «чужеземцев и гостей» зарегистрированы «кабардинские и анапские мухаджирь» в количестве 123 душ мужского пола. Из актуализированной же в 1261 / 1845 г. версии этого реестра следует, что в течение десятилетия 43 из них умерли, 19 выбыли из казы (в основном в соседние казы и санджаки, но также в Стамбул, Хиджаз и Египет), а 1 вернулся на Кавказ. При 8 родившихся и 36 прибывших из-за пределов казы за указанное время численность группы сократилась до 104 человек<sup>2</sup> [İrek et al. 2016: 19, 336-340; Karagöz 2017: 1518-1519]. Даже с учетом возможной неточности и недостаточной репрезентативности данной статистики она вполне определенно отражает впечатляюще высокие уровни текучести и особенно смертности среди иммигрантов в первые годы их пребывания на новой родине. Вероятно, сопоставимое число кавказцев осело в этот период и в других частях санджака, что подтверждают, к примеру, упоминания в окружном реестре населенных пунктов 1253 / 1837-38 г. о «селе черкесских мухаджиров» в казе Арым

---

<sup>1</sup> В последующие годы Порты стала все больше склоняться к политике дробной («неплеменной») колонизации северокавказских иммигрантов и нейтрализации влияния родовой знати на своих «подданных» из опасения превращения этих коллективов в фактор региональной нестабильности [Saydam 1997: 143, 144].

<sup>2</sup> Из первоначально зарегистрированных в документе 123 мухаджиров 44 выступают как «анапцы» (*анапалы*) и, скорее всего, являются не этническими северокавказцами, а обосновавшимися в Анапе в период османского правления выходцами из различных регионов империи, что подтверждается такими прозвищами некоторых из них, как Сиваслы-оглу («сын сивасца») или Кюрд-оглу («сын курда»). Из остальных лиц 55 обозначены как «кабардинцы» (*кабардалы*), 5 – как «абазы» (*абаза, абаза-оглу*), 4 – как «черкесы» (*черкес, черакис*). Происхождение 15 человек не уточнено. Среди северокавказцев встречаются обладатели явно немусульманских и нетурецких имен или прозвищ, таких как (вероятно, в искаженной форме) Куйши, Хебах, Туфйе, Шури, Джаби, Пренч и др. Вместе с тем, согласно обновленному реестру 1845 г., 18 северокавказцев и 7 анапцев имеют почетный титул «хаджи», что указывает на факт совершения ими, предположительно уже после иммиграции, паломничества в Мекку. Три человека в списке отмечены как «рабы» (*гулям*).

(ныне Чаршамба) и двух сельских мухтаров (старостах) с прозвищем «Черкес-оглу» в казах Арым и Кавак [Erler 2009: 183, 184, 190]<sup>1</sup>.

Какая-то часть семейств, о которых шла речь в прошении Чолака Мехмеда, по-видимому, была, в соответствии со стремлением Порты, мелкими партиями поселена в регионе Амасьи и Чорума.

Так, известно, что в июне 1835 г. около 50 иммигрантов переместились в санджак Амасья, где им была предоставлена пустующая земля в нахийе Аргома (ныне Сулуова). Принимая во внимание тяжелое физическое и материальное положение этой группы, власти пошли навстречу просьбе ее лидера Тахир-бея «из кабардинской знати» об освобождении его подопечных от налогов, сборов и пошлин «до обретения ими благосостояния» [BOA. C.DH 161/8028, 216/10776; BOA. NAT 680/33173].

О черкесской колонизации в санджаке Чорум можно судить по прошению, поданному в начале 1840 г. султану от имени «поселенных некоторое время назад... в окрестностях городка Чорум» 20 семейств их представителями Хаджи Омером и Хаджи Мехмедом. В документе содержалась жалоба на препятствия, чинимые мухаджирам местными жителями в строительстве домов и занятии сельским хозяйством, а также просьба об отсрочке уплаты налогов (последнее указывает на факт иммиграции более 3 лет назад). Последовавший в связи с этим султанский фирман в довольно строгих выражениях предписывал окружным властям проявить милосердие к данной общине «как беженцам и беднякам», в частности обеспечить их безопасное проживание в выбранном ими месте и невзыскание с них налогов в течение 5 лет с соответствующим указанием министру финансов [Korkmaz 1995: 118-120]. Впрочем, этот конфликт, в основе которого, скорее всего, лежали подкрепленные традиционными правами пользования претензии коренного населения на занятую иммигрантами землю, не удалось урегулировать на месте, и в конце того же года Портой было принято решение о переводе названных семейств в санджак Кютахья в Западной Анатолии [BOA. I.MVL 13/201].

Достаточно отчетливо прослеживается также перемещение из Самсуна, Амасьи и Чорума в западном направлении и поселение на территории государственного землевладения (чифтлика) Чифтелер в санджаке Эскишехир 40 семейств, изъявивших желание быть включенными в эту относительно отлаженную хозяйственную структуру. Указанный чифтлик площадью около 180 тыс. гектаров и всего с десятком находящихся в его границах сел числился за Военным министерством и располагал крупным конным заводом и другими скотоводческими и земледельческими предприятиями [Köksal 2009: 333-343, 358]. Хотя первые упоминания о планируемой отправке туда черкесов относятся к лету 1836 г. [BOA. C.DH 83/4135; BOA. NAT 1418/58002], их достоверное присутствие в хозяйстве отмечено лишь в 1838 г., когда, по сообщению официального хрониста Ахмеда Лютфи-эфенди, было издано высочайшее повеление о

---

<sup>1</sup> В упомянутом российском «Обзоре» 1837 г. сообщается о расселении черкесов также и за пределами санджака Самсун в причерноморских населенных пунктах от Трабзона на востоке до Синопа на западе [Шамиль... 1953: 127].



выделении 50 тыс. курушей<sup>1</sup> на обеспечение данных семейств «возможностями для занятия хлебопашеством... из сострадания к их бедности и нужде» [Ahmed Lütfi 1999]. В султанском же рескрипте от декабря 1838 г. говорилось о покрытии половины расходов на их «пропитание» из средств самого чифтлика, а половины – из доходов четырех ближайших к нему санджаков [BOA. NAT 381/20572-F, 381/20572].

Известно, что образовавшие в Чифтелере село Черкескёй («черкесское село») мухаджиры в 1843 г. обратились к окружной администрации с просьбой о строительстве для них мечети и примечательной начальной школы. Несмотря на наличие подобных объектов в двух находящихся в пределах пешей доступности соседних селах, власти после некоторых колебаний согласились с обоснованностью стремления черкесов к обладанию собственной мечетью и распорядились о составлении сметы для ее сооружения [Güneş 2014: 446]. Данный факт может, очевидно, свидетельствовать как о достаточно успешной социально-экономической адаптации этой общины, так и о ее тяготении к определенной культурной изоляции от окружающего населения.

Вышеприведенными примерами, безусловно, не исчерпываются все маршруты передвижения и места поселения иммигрантов 1834-1835 гг., обстоятельства колонизации и адаптации многих из которых, вероятно, не получили отражения в источниках.

Документально не зафиксированными могли остаться и факты прибытия в Османскую империю мелких групп переселенцев из Черкесии, предположительно имевшие место во второй половине 1830-х гг. и позже. Так, не вполне ясно время возникновения локализуемого в центральной казе санджака Амася села Куту, которое впервые упоминается в окружном налоговом реестре (*теметтуат дефтери*) 1256 / 1840-41 г. как «новое» и состоящее из 16 семейств, включающих в себя 46 лиц мужского пола [Genç 2020: 88]. Согласно аналогичному реестру 1259 / 1843-44 г., в селе проживало то же количество семейств при всего лишь 27 лицах мужского пола (последняя цифра маловероятна и, скорее всего, является следствием распространенной практики сокрытия числа податных членов домохозяйств). При этом несколько семейств все еще не имели земли и какого-либо дохода [Genç 2020: 88; Serbestoğlu, Yıldırım 2017: 1498-1503], что может объясняться их недавним заселением либо испытываемыми экономическими трудностями. Судя по всему, процесс адаптации сельчан, характеризуемых в документах как кабардинцы, не был простым, что в последующие годы проявилось в их неспособности платить налоги, несмотря на неоднократное продление льгот по ним [BOA. İ.MVL 114/2728]. В сентябре 1851 г. в администрацию санджака поступило заявление жителей села за подписями 6 лиц духовного звания с просьбой об очередной налоговой отсрочке «до обретения имущества и благосостояния» [BOA. A.MKT.UM 74/64]. Однако после изучения властями вопроса на местном и центральном уровнях Порты в феврале 1852 г. постановила отказать в удовлетворении этого прошения. Изданным в

---

<sup>1</sup> Куруш (гуруш) – денежная единица, сотая часть лиры. В середине XIX в. приблизительно равнялся ¼ французского франка.

этой связи указом предписывалось взыскать с иммигрантов, поселенных не только в Куту, но и ряде других районов страны, все налоги и недоимки, образовавшиеся после истечения 3-летнего периода их льгот. Одновременно было провозглашено о начале по прошествии указанного срока призыва в армию иммигрантов соответствующего возраста [ВОА. I.MVL 231/8005; ВОА. А.МКТ.MVL 50/99]. Несомненно, что такие решения диктовались прежде всего необходимостью укрепления подорванного финансового и военного потенциала государства в условиях обострения «восточного вопроса» накануне Крымской войны.

Относящееся же к 1858 г. свидетельство о Куту известного русского ученого Петра Чихачева дает основание для заключения о выработке к этому времени весьма своеобразной хозяйственной специализации села, состоявшей в выполнении им функций своего рода «депо и агентства» для промышленявших между Анатолией и Кавказом черкесских работорговцев и ориентированной на османский элитный спрос «фабрики живого товара» [Tchihatcheff 1859: 74-75; Дзидзария 1982: 266-267]<sup>1</sup>. Несмотря на откровенно обличительный по отношению к Порте, равно как и к «мятежным кавказским подданным России» [Tchihatcheff 1859: 73] пафос автора и, возможно, сознательное акцентирование им внимания на данной теме, следует отметить, что отдельные османские источники середины 1850-х гг. также упоминают о причастности проживающих в Амасье черкесов к незаконной работорговле, в том числе к порабощению свободнорожденных людей [ВОА. HR.МКТ 161/41].

С середины 1840-х гг. несколько усилился приток небольших партий и отдельных семей с Северо-Западного Кавказа в Трабзон, Самсун и реже Стамбул<sup>2</sup>, что, по-видимому, было связано с нарастающим ожесточением русско-черкесского военного противостояния и обострением социальной борьбы внутри адыгского общества [Касумов, Касумов 1992: 99-104]. Посетивший в эти годы Трабзон немецкий путешественник и естествоиспытатель Мориц Вагнер описывает город как «место встречи всех поддерживающих политические связи с Турцией черкесов и абхазов... и всех беженцев из России» [Wagner 1852: 156].

Основным регионом колонизации черкесских иммигрантов в этот период выступает Южное Мраморноморье. Летом 1845 г. в казу Михалич (ныне Караджабей) санджака Бурса были направлены приблизительно 60 семейств, до этого временно размещавшихся в окрестностях Стамбула. Местом их поселения было избрано селение Улуабад на берегу одноименного озера, где имелись обширные неиспользуемые пахотные земли, принадлежавшие вакфу султана Баязида I (1389-1402). Эти земли были распределены между названными семействами с условием «их благоустройства ими... и ежегодного внесения приемлемой арендной платы» в счет доходов вакфа. В связи с этой колонизацией Порты, предвидя, очевидно, дальнейшее прибытие в страну кавказских и иных

<sup>1</sup> О том, что «[у]здени... [мухаджиров 1834 г.] ежегодно путешествуют в Черкесию и вывозят невольников для продажи в Турцию», говорится также в «Обзоре» 1837 г. [Шамиль... 1953: 127].

<sup>2</sup> Из российских источников известно об эмиграции в феврале 1847 г. и поселении в Стамбуле относительно крупной группы – темиргоевского князя Каплан-Гирея с семейством и подвластными крестьянами в количестве 1619 чел. [Касумов, Касумов 1992: 86]. В османских документах не удалось обнаружить сведений об этой иммиграции.

переселенцев, впервые сочла необходимой выработку некоей общей, но при этом чрезмерно не обременительной для государственной казны схемы их хозяйственного обустройства, нацеленной на скорейшее превращение иммигрантов в производительный элемент населения. Согласно утвержденному султаном по представлению Высшего совета по правовым решениям<sup>1</sup> «временному порядку», средства на строительство жилья и приобретение аграрного инвентаря должны были выделяться мухаджирам в займы из провинциальных налоговых поступлений с обязательным предоставлением ими «кругового поручительства» и «надежной расписки» о возвращении полученных денег. В соответствии с этим принципом, поселяемой в Улуабаде общине было выдано 79 тыс. курушей, подлежащих выплате в рассрочку в течение следующих 4 лет. Безвозмездно в качестве «высочайшего дара» было предоставлено семенное и продовольственное зерно (пшеница, ячмень и просо) и некоторые другие продукты питания и предметы первой необходимости. Срок освобождения от налогов также составил 4 года [BOA. İ.MVL 73/1394, 299/12169; Saribal 2018].

Поселение черкесов в Улуабаде весьма примечательно также тем, что оно было сопряжено с первым серьезным конфликтом между кавказскими иммигрантами и христианскими подданными Порты. Данное село и окружающий его район были компактно населены православными греками<sup>2</sup>, которые с крайним беспокойством восприняли появление здесь мухаджиров-мусульман с чуждым им социокультурным профилем. Предположительно в конце 1846 г. ими была направлена в российское посольство в Стамбуле жалоба, в которой утверждалось, что переселенцы<sup>3</sup>, находящиеся в беспрекословном подчинении у своего «именуемого ханом» лидера, жестоко притесняют коренных жителей при полном попустительстве местной администрации. Особую обиду сельчан вызывал факт предоставления властями черкесам значительной денежной помощи, тогда как грекам, пострадавшим несколькими годами раньше от землетрясения, якобы было отказано в подобной поддержке. В заключение авторы обращения предупреждали, что в случае непресечения правительством бесчинств черкесов и направления в село, согласно имеющим хождение слухам, еще 24 их семейств местным христианам не останется ничего другого, как искать себе новое место жительства. В ответ на ноту российского посла османские власти провели расследование изложенных в документе утверждений, придя к выводу об их беспочвенности или, по крайней мере, сильной преувеличенности. Тем не менее, во избежание создания повода для дальнейшего иностранного вмешательства (аналогичная петиция была направлена улуабадцами и английскому послу, также заявившему протест Порте [MacFarlane 1850: 413]) было решено предупредить черкесов о недопустимости такого поведения, а в случае продолжения жалоб – перевести их в другое место [BOA. HR.MKT 17/19]

<sup>1</sup> Высший совет по правовым решениям (*Меджлис-и валя-и ахкям-и адлийе*) – созданный в 1837 г. консультативно-законодательный орган при султани и правительстве Османской империи, прообраз Министерства юстиции.

<sup>2</sup> Улуабад (Улубад) расположен на месте крупного поздневизантийского культурно-религиозного и военно-политического центра Лопадиион, от которого и унаследовал свое турецкое название.

<sup>3</sup> В этом документе иммигранты названы «дагестанскими черкесами», что, видимо, объясняется путаницей вследствие поселения в эти же годы в городе Бурса нескольких десятков представителей суфийского ордена накшбандия из Дагестана [BOA. İ.DH 114/5757; BOA. С.DH 306/15265].

Несколько иной, хотя в целом не противоречащий приведенной выше информации официальных документов и отчасти дополняющий ее взгляд на черкесско-греческую коллизию в Улуабаде содержат свидетельства проведенного там несколько дней в ноябре 1847 г. британского историка и писателя Чарльза Макфарлейна. Опираясь в основном на сведения, почерпнутые из бесед со старостой греческой части села, он сообщает, что данная община иммигрантов, «изгнанная с родины русскими или какими-то из их собственных кланов, находящимися в союзе с русскими», после прибытия в Улуабад вместо создания отдельного села на прилегающих к озеру свободных неводеланных землях предпочла силой занять сады, обработанные поля и даже жилища греков в самом селе. При этом попытки последних восстановить справедливость посредством апелляций к стамбульским властям и европейским дипломатам не принесли результата, поскольку, хотя Порта и направила окружной администрации распоряжение о необходимости возвращения владельцам их захваченной собственности, оно было проигнорировано «пашой Бурсы», получившим от «вождя» черкесов взятку в виде молодой невольницы [MacFarlane 1850: 412-413].

По наблюдениям Макфарлейна, непримиримость сторон усугублялась тем обстоятельством, что обе были до фанатизма привержены каждой своей религии, и в то время, как черкесы не упускали случая оскорбительно высказаться о вере своих соседей и пригрозить осквернить их недавно возведенный храм, греки искренне полагали, что последний дал трещину и осадку из-за разгневанности его небесного покровителя – архангела Михаила – присутствием в селе «задиристых иноверцев», уже успевших построить собственную небольшую деревянную мечеть [MacFarlane 1850: 410-411, 413]. На самого же путешественника и его спутников встреченные ими черкесы бросали «недружелюбные взгляды», а их дети награждали их кличками «гяур» и «москоф» (московит) [MacFarlane 1850: 415].

По сведениям британца, в селе насчитывалось 30 греческих и столько же черкесских семейств, причем часть последних проживала в захваченных домах коренных жителей, но большинство – в построенных ими самими маленьких глинобитных мазанках, «ничем не уступавших лачугам греков». В отличие от местного населения, колонисты не пренебрегали заготовкой на зиму сена и одевались «гораздо лучше и изящнее, чем османцы». Вместе с тем иммигранты уже успели приобрести на новой родине дурную славу не только искусных ското- и конокрадов, но и неисправимых торговцев «живым товаром», не брезгующих продажей состоятельным туркам собственных детей и похищением в тех же целях детей местных христиан [MacFarlane 1850: 414-416]. Впрочем, на деле скорее могла иметь место контролируемая традиционной феодальной верхушкой торговля членами зависимых сословий, стимулировавшаяся высоким рыночным спросом и несомненными материальными проблемами всех слоев переселенцев, не исключая и знать<sup>1</sup>. Вероятно, именно с тяготами и лишениями первых лет иммиграции было связано и двукратное сокращение с 1845 по 1847

---

<sup>1</sup> Как известно, в упомянутой общине князя Каплан-Гирея большая часть домашней прислуги и крестьян была распродана хозяевами вскоре после иммиграции [Касумов, Касумов 1992: 86].



г. (при условии корректности вышеприведенных цифр) количества семейств в улуабадской общине. Показательно, что на нее также было распространено упомянутое постановление 1852 г. о непощении просроченных мухаджирских долгов по налогам [BOA. A.MKT.MVL 50/99].

В конце 1852 г. в Улуабад прибыли еще 5 черкесских семейств в количестве 47 душ. Эти лица, иммигрировавшие предположительно в октябре, первоначально разместились в издавна пользовавшемся популярностью среди северокавказцев стамбульском квартале Топхане в домах, снятых на выданные им властями пособия в размере 5 кесе<sup>1</sup> на человека. В направленном на имя султана одним из лидеров группы Ахмед-беем прошении констатировалось, что они «покинули свою страну Кабарду... из-за ее захвата Российским государством», и выражалась просьба оказать им, «как это принято в отношении дагестанских и черкесских мухаджиров», милость в виде предоставления постоянного жилья и назначения денежных жалований<sup>2</sup> [BOA. I.MVL 251/9218]. Такая формулировка связанных с дальнейшей жизнью на новой родине ожиданий, похоже, несколько озадачила османское руководство, усмотревшее в ней стремление иммигрантов к иждивенческому и к тому же городскому (предпочтительно столичному), но не сельскому образу поселения. В представленной султану Высшим советом по правовым решениям докладной записке отмечалось, что, хотя государству не составит труда «обеспечить едой и питьем» подателей заявления, это может послужить основанием для требований «других таких же, которые, думается, отныне будут прибывать партиями». Поэтому вместо рассмотрения вопросов размещения и обустройства каждой общины, семьи или индивида в отдельности было предложено ввести в действие «постоянный порядок» колонизации аграрных иммигрантов, предусматривающий их наделение «достаточным» количеством свободной казенной земли, выделение им из провинциальных средств займов на обзаведение домами и сельскохозяйственными орудиями и их освобождение от всех налогов на срок от 4 до 5 лет, чем должны были быть решены две важные государственные задачи – интеграция переселенцев в местный класс крестьян-производителей и хозяйственное освоение пустующих земель в Анатолии [BOA. I.MVL 251/9218; BOA. A.MKT.MVL 57/78].

Вслед за утверждением султанским рескриптом этих предложений указанные семейства были переправлены на лодках из Стамбула в санджак Бурса, где предпочли поселиться рядом со своими соотечественниками в Улуабаде. Примечательно, что поданное перед поселением главой одного из семейств по имени Хаджи Ислам-эфенди прошение о назначении ему временного жалованья и разрешении на проживание в городе Бурса также было отклонено Портой, подтвердившей обязательность занятия всех членов группы «землепашеством или торговлей» [BOA. I.MVL 299/12169]. Такое в целом нетипичное для османских властей игнорирование просьбы иммигранта духовного звания, каковым, по видимому, являлось названное лицо, явно свидетельствовало о твердом стрем-

---

<sup>1</sup> Кесе (кисе) – «кошелек», денежная сумма в 500 курушей.

<sup>2</sup> В прошении речь идет не о 5, а о 10 семействах, однако их подушная численность также указана в 47 человек. Это разночтение может объясняться разными интерпретациями термина *хане* как малой (нуклеарной) или расширенной семьи.



лении к претворению в жизнь означенных целей официальной колониционной политики. Вместе с тем ввиду обнаружившегося исчерпания в окрестностях села свободных государственных и вакфных земель вновь прибывшие семьи были по решению властей размещены на находящихся в собственности их предшественников, но не обрабатываемых ими участках на условиях их испольной аренды. При этом 3 семействам из 5 не удалось по причине их бедности найти среди своих соплеменников поручителей для получения займа. На запрос провинциальной администрации в Стамбул о возможности выделения им денег без соблюдения этого требования Порты ответила отказом («во избежание составления примера для будущих мухаджиров»), но рекомендовала в качестве выхода из положения поощрить местных жителей к поручительству за своих малоимущих новых соподданных, после чего всем иммигрантским семьям было выплачено по 3 тыс. курушей подъемных [ВОА. І.MVL 299/12169].

В изученных источниках не выявлено сведений о создании черкесскими иммигрантами других сколько-нибудь значимых колоний на османской территории в рассматриваемый период, хотя в документах конца 1840-х – начала 1850-х гг. и встречаются единичные упоминания о прибытии в империю и поселении в различных регионах малых коллективов и отдельных семей и лиц<sup>1</sup>.

В период Крымской войны османскому командованию удалось привлечь в состав т.н. Батумской армии для восполнения дефицита кавалерии несколько сотен иррегуляров из Абхазии и Черкесии, участвовавших главным образом в операциях в Западном Закавказье [Allen, Muratoff 1953: 95-96; ВОА. А.AMD 51/81; ВОА. А.МКТ.МНМ 60/36], однако данных об уходе кого-либо из них вместе с турецкими войсками в Анатолию нет. Достоверно известно лишь об иммиграции в конце 1853 г. через Эрзурум 4 или 5 представителей черкесской знати<sup>2</sup> с намерением «сражаться вместе с османскими войсками». Все они сразу по прибытии вступили в подданство Порты, а их семьям на время их пребывания в Эрзуруме султанским указом были назначены ежемесячное жалованье в размере 425 курушей и поденное пособие в 12 окк<sup>3</sup> хлеба [ВОА. І.DH 282/17705, 283/17755; ВОА. І.MVL 306/12615; ВОА. А.МКТ.NZD 109/35]. В послевоенные годы отмечен ряд обращений к властям лиц, обозначающих себя как «черкесские мухаджиры», с просьбами о предоставлении им пенсий или материальной помощи за проявленное в ходе боевых действий отличие, но не вполне ясно, переселились ли они в Османскую империю в период войны или до нее [ВОА. А.AMD 87/79, 88/15; ВОА. А.МКТ.МНМ 215/45; ВОА.

---

<sup>1</sup> Из известных фактов подобного рода могут быть названы поселение прибывшего из Черкесии в Самсун Хаджи Исмаил-эфенди с семейством и спутниками в ранее созданной черкесской колонии в чифтликке Чифтелер с предоставлением им материальной помощи в 1847 г. [ВОА. І.MVL 101/2186; ВОА. А.МКТ 4/112, 112/31], направление находящегося в Стамбуле некоего Бекташа «из анапских мухаджиров» на поселение в санджак Бурса в 1848 г. [ВОА. А.МКТ 156/29], поселение Уста-шейха «из черкесских мухаджиров» вместе с семейством в городе Бурса с назначением ему жалованья в 1848 г. [ВОА. А.МКТ.DV 8/11], возможное направление прибывших в Стамбул 11 черкесских семейств на поселение в санджак Измит в 1852 г. [ВОА. А.МКТ.NZD 315/77], оказание материальной помощи поселившемуся в Египте представителю черкесского духовенства Муса-эфенди в 1852 г. [ВОА. А.МКТ.DV 65/25], назначение жалований поселенным в казе Зиле санджака Токат Абубекир-эфенди и Зекерийя-эфенди «из кабардинских алимов» в 1853 г. [ВОА. А.МКТ.NZD 88/96] и др.

<sup>2</sup> В документах названы Султан-бей, Хаджи Бекир-бей, Хаджи Али-бей и Хаджи Омер-бей.

<sup>3</sup> Окка – мера веса, равная 1,283 кг.

А.МКТ.NZD 202/91, 235/2, 284/101, 287/48; ВОА. А.МКТ.UM 261/22]. Уже по окончании войны, в конце 1856 г., иммигрировал некий майор русской службы Хасан-бей, зачисленный в османскую армию с сохранением ему того же звания [ВОА. А.МКТ.NZD 211/57]. В дальнейшем, вплоть до конца 1850-х гг., известные нам официальные документы не фиксируют фактов прибытия в страну выходцев с Северо-Западного и Центрального Кавказа.

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что уже на достаточно раннем этапе Кавказской войны, в начале-середине 1820-х гг., наметился и в дальнейшем усиливался поток миграции в Анатолию жителей Черкесии – представителей феодально-патриархальных и военно-политических элит, аграрных общин, духовенства и др. Независимо от обстоятельств переселения, мотивов и устремлений конкретных коллективов и индивидов очевидно, что владения султана-халифа рассматривались ими как более безопасное место для проживания и отчасти сохранения привычного социально-экономического и культурного уклада по сравнению с подвергавшимся все большему давлению российской военно-государственной машины Кавказом. Будучи в значительной мере обусловлено историческими связями населения региона с османско-мусульманским миром (особенно усилившимися с конца XVIII в. на фоне российской экспансии), это раннее мухаджирство в то же время стало предвестником и подготовило определенную почву для исхода черкесских переселенцев и беженцев на османскую территорию после окончательного покорения Россией Северо-Западного Кавказа в 1860-х гг.

Ввиду далекого от благополучия финансового положения османского государства и отсутствия у него сколько-нибудь четкой программы и достаточного опыта переселенческой колонизации, прибывавшие в страну группы, несмотря на их немногочисленность, похоже, порой сталкивались с серьезными проблемами материального и гуманитарного свойства, хотя, вероятно, и не столь тяжелыми и продолжительными, как это имело место на последующих, массовых стадиях мухаджирства. При несомненном отсутствии у Порты в рассматриваемый период цели привлечения в страну иммигрантов с Кавказа очевидно, что по мере их притока происходила выработка некоторых общих принципов и методов их поселения в соответствии с демографическими, экономическими и политическими интересами империи. В частности, уже на данном этапе проявились такие присущие османской колонизационной политике второй половины XIX в. подходы, как дробление крупных общин, использование новых подданных для хозяйственного освоения пустующих земель и коррекции этноконфессионального баланса в отдельных местностях, поддержка аграрных иммигрантов посредством налоговых льгот и ограниченных выплат из провинциальных бюджетов и др.

На основе имеющихся сведений о численности прибывших партий и с учетом вероятного неотражения изученными источниками всех фактов иммиграции количество черкесских переселенцев указанного периода может быть очень приблизительно оценено в 3-4 тыс. чел. Несомненно, что какая-то их часть после переселения отделилась по различным причинам от своих общин и прошла индивидуальный путь интеграции и ассимиляции в османское общество, не

оставив о себе свидетельств в официальных документах. Большинство, однако, явно тяготело к общинному и до известной степени культурно-изолированному поселению, позволившему некоторым колониям (в Чифтелере, Улуабаде и др.), несмотря на их малочисленность и взаимную удаленность, сохранить свою этническую идентичность вплоть до эпохи массового мухаджирства, а с его началом – стать центрами притяжения для вновь иммигрирующих групп своих соотечественников [Köksal 2009; Sarıbal 2018].

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

Алоев 2019 – *Алоев Т.Х.* Хатокшоко Магомет Аша: вступая на путь легенды // Вестник КБИГИ. – 2019. – № 4-1 (43). – С. 29-35. – DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-29-35.

Дзидзария 1982 – *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми: Алашара, 1982. – 530 с.

Касумов, Касумов 1992 – *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. – Нальчик: Логос, 1992. – 199 с.

Мирзоев, Чанак 2022а – *Мирзоев А.С., Чанак М.-П.К.* Личность Магомет Аш Атажукина в контексте участия Хаджретской Кабарды в Кавказской войне // Кавказология. – 2022. – № 2. – С. 37-54. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-37-54. – EDN: BVRPLU.

Мирзоев, Чанак 2022б – *Мирзоев А.С., Чанак М.-П.К.* «Вольные кабардинцы» в контексте русско-турецких и османо-черкесских отношений первой половине XIX столетия на основе российских и османских источников // Кавказология. – 2022. – № 4. – С. 69-87. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-69-87. – EDN: EKRGKJ.

Томкеев 1898 – *Томкеев В.И.* Кавказская линия под управлением генерала Емануеля // Кавказский сборник. – 1898. – Т. 19. – С. 120-220.

Торнау 2008 – *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. – М.: АИРО-XXI, 2008. – 456 с.

Фелицын 1904 – *Фелицын Е.Д.* Князь Сефер-бей Зан. Политический деятель и поборник независимости черкесского народа // Кубанский сборник. – 1904. – Т. 10. – С. 1-167.

Хан-Гирей 1978 – *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 333 с.

Чочиев 2015 – *Чочиев Г.В.* Некоторые проблемы адаптации черкесских иммигрантов в Османской империи во 2-й половине XIX в. (по обращениям иммигрантов к властям) // Вестник КБИГИ. – 2015. – № 3 (26). – С. 27-34.

Шамиль... 1953 – Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (сборник документальных материалов) / Под ред. Ш.В. Цагарейшвили. – Тбилиси: Госиздат Груз. ССР, 1953. – X+562 с.

Шеремет 1975 – *Шеремет В.И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г. Из истории Восточного вопроса. – М.: Наука, 1975. – 230 с.

Ahmed Lütfi 1999 – *Ahmed Lütfi Efendi.* Vakanüvis Ahmed Lütfi Efendi Tarihi. – Cilt 6-7-8. – İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 1999. – 1335 s.

Allen, Muratoff 1953 – *Allen W.E.B., Muratoff P.* Caucasian Battlefields: A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border (1828-1921). – Cambridge: Cambridge University Press, 1953. – XXII+614 p.

BOA – Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi.

Çelik 1999 – *Çelik G.* Osmanlı Devleti'nin Nüfus ve İskân Politikası // Divan. – 1999. – № 1. – S. 49-110.

Erlor 2009 – *Erlor M.Y.* Osmanlı Nüfus Kayıtlarına Dair Alternatif Bir Kaynak: Defter-i Liva-ı Canik (1837) // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. – 2009. – Cilt 2. – № 8. – S. 169-190.

Genç 2020 – *Genç S.* 19. Yüzyılda Veray Kazasının Nüfusu ve Ekonomik Yapısı // 19 Mayıs Sosyal Bilimler Dergisi. – 2020. – Cilt 1. – № 2. – S. 79-104.

Göyünç 1979 – *Göyünç N.* “Hâne” Deyimi Hakkında // Tarih Dergisi. – 1979. – № 32. – S. 331-348.

Güneş 2014 – Güneş M. Kafkasya Muhacirlerinin Karahisar-ı Sahib’de İskânı ve Karşılaşılan Sorunlar (1861-1895) // Tarih Okulu Dergisi. – 2014. – № 18. – S. 421-452. – DOI: <http://dx.doi.org/10.14225/Joh536>.

İpek et al. 2016 – İpek N., Karagöz R., Uslucan C. Canik Sancağı Samsun Kazasının Nüfus Yapısı (1834-1845). – Samsun: Canik Belediyesi Kültür Yayınları, 2016. – VI+509 s.

Karagöz 2017 – Karagöz R. Nüfus Defterlerine Göre Samsun Kazasında Misafir ve Göçmen Nüfus (1834-1845) // Geçmişten Günümüze Göç / Editör O. Köse. – Samsun: Canik Belediyesi Kültür Yayınları, 2017. – Cilt 3. – S. 1515-1524.

Korkmaz 1995 – Korkmaz Ş. H.1255-1264 (M.1839-1847) Tarihli Çorum Şeriyeye Sicili (Transkripsiyon ve Değerlendirme). – Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi. – Ankara: Gazi Üniversitesi, 1995. – VIII+669 s.

Köksal 2009 – Köksal O. Osmanlı Dönüşüm Sürecinde Bir Devlet Teşebbüsü Olarak Çifteler Hâra-yı Hümayunu ve Türk Atçılığına Katkıları // Eskişehir Osmangazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. – 2009. – Cilt 10. – № 2. – S. 333-363.

MacFarlane 1850 – MacFarlane C. Turkey and Its Destiny: The Result of Journeys Made in 1847 and 1848 to Examine into the State of that Country. – L.: John Murray, 1850. – Vol. 1. – XII+543 p.

Orhonlu 1987 – Orhonlu C. Osmanlı İmparatorluğu’nda Aşiretlerin İskânı. – İstanbul: Eren Yayıncılık, 1987. – XX+152 s.

Redhouse 1856 – Redhouse J.W. An English and Turkish Dictionary, in Two Parts, English and Turkish, and Turkish and English. – L.: Bernard Quaritch, 1856. – XXVI+1149 p.

Sarıbal 2018 – Sarıbal İ. Osmanlı Devleti’nde Muhaceret, İskân ve Entegrasyon: Bursa Sancağı Örneği (1845-1908). – İstanbul: İdeal Kültür Yayıncılık, 2018. – 186 s.

Saydam 1997 – Saydam A. Kırım ve Kafkasya Göçleri (1856-1876). – Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 1997. – 235 s.

Serbestoğlu, Yıldırım 2017 – Serbestoğlu İ., Yıldırım R. Amasya Temettuat Defterlerinde Göçmen Haneler // Geçmişten Günümüze Göç / Editör O. Köse. – Samsun: Canik Belediyesi Kültür Yayınları, 2017. – Cilt 3. – S. 1497-1505.

Tchihatcheff 1859 – Tchihatcheff P. Lettres sur la Turquie. – Bruxelles: Auguste Schœne, 1859. – 84 p.

Tosun 2014 – Tosun M.D. Çeçenzade Hacı Hasan Paşa’nın Hayatı: Bulunduğu Görevler, Yaptığı Çalışmalar ve Aile Efradı. – İstanbul, 2014. – 225 s.

Wagner 1852 – Wagner M. Reise nach Persien und dem Lande der Kurden. – Leipzig: Arnoldische Buchhandlung, 1852. – Band 1. – VIII+360 s.

## REFERENCES

AHMED LÜTFİ EFENDİ. *Vakanüvis Ahmed Lütfi Efendi Tarihi*. – Vol. 6-7-8. – İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 1999. – 1335 p.

ALLEN W.E.B., MURATOFF P. *Caucasian Battlefields: A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border (1828-1921)*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1953. – XXII+614 p.

ALOEVA T.KH. *Khatokshoko Magomet Asha: vstupaya na put' legendy* [Hatokshoko Mohammed Asha: Embarking on a Legend]. IN: *KBIHR Bulletin*. – 2019. – № 4-1(43). – P. 29-35. (In Russ.).

CHOCHIEV G.V. *Nekotorye problemy adaptatsii cherkesskikh immigrantov v Osmanskoi imperii vo 2-i polovine XIX v. (po obrashcheniyam immigrantov k vlastyam)* [Some Problems of Adaptation of the Circassian Immigrants in the Ottoman Empire in the 2nd Half of the 19th Century (on the Immigrants’ Applications to Authorities)]. – IN: *KBIHR Bulletin*. – 2015. – № 3(26). – P. 27-34. (In Russ.).

ÇELİK G. Osmanlı Devleti’nin Nüfus ve İskân Politikası. – IN: *Divan*. – 1999. – № 1. – P. 49-110.

DZİDZARİYA G.A. *Makhadhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya* [Muhajirism and Problems of the Abkhazia History in the 19th Century]. – Sukhumi: Alashara, 1982. – 530 p. (In Russ.).



ERLER M.Y. Osmanlı Nüfus Kayıtlarına Dair Alternatif Bir Kaynak: Defter-i Liva-ı Canik (1837). – IN: *Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi*. – 2009. – Vol. 2. – № 8. – P. 169-190.

FELITSYN E.D. *Knyaz' Sefer-bei Zan. Politicheskii deyatel' i pobornik nezavisimosti cherkesskogo naroda* [Prince Sefer Bey Zan. Politician and Champion of the Independence of the Circassian People]. – IN: *Kubanskii sbornik*. – 1904. – Vol. 10. – P. 1-167. (In Russ.).

GENÇ S. 19. Yüzyılda Veray Kazasının Nüfusu ve Ekonomik Yapısı. – IN: *19 Mayıs Sosyal Bilimler Dergisi*. – 2020. – Vol. 1. – № 2. – P. 79-104.

GÖYÜNÇ N. “Hâne” Deyimi Hakkında. – IN: *Tarih Dergisi*. – 1979. – № 32. – P. 331-348.

GÜNEŞ M. Kafkasya Muhacirlerinin Karahisar-ı Sahib’de İskânı ve Karşılaşılan Sorunlar (1861-1895). – IN: *Tarih Okulu Dergisi*. – 2014. – № 18. – P. 421-452.

İPEK N., KARAGÖZ R., USLUCAN C. *Canik Sancağı Samsun Kazasının Nüfus Yapısı (1834-1845)*. – Samsun: Canik Belediyesi Kültür Yayınları, 2016. – VI+509 p.

KARAGÖZ R. Nüfus Defterlerine Göre Samsun Kazasında Misafir ve Göçmen Nüfus (1834-1845). – IN: *Geçmişten Günümüze Göç / Ed. by O. Köse*. – Samsun: Canik Belediyesi Kültür Yayınları, 2017. – Vol. 3. – P. 1515-1524.

KASUMOV A.KH., KASUMOV KH.A. *Genotsid adygov. Iz istorii bor'by adygov za nezavisimost' v XIX veke* [Genocide of Adygs. From the History of the Struggle of the Adygs for Independence in the 19th Century]. – Nalchik: Logos, 1992. – 199 p. (In Russ.).

KHAN-GIREI. *Zapiski o Cherkessii* [Notes on Circassia]. – Nalchik: El'brus, 1978. – 333 p. (In Russ.).

KORKMAZ Ş. *H.1255-1264 (M.1839-1847) Tarihli Çorum Şeriyeye Sicili (Transkripsiyon ve Değerlendirme)*. – Unpublished MA Thesis. – Ankara: Gazi University, 1995. – VIII+669 p.

KÖKSAL O. Osmanlı Dönüşüm Sürecinde Bir Devlet Teşebbüsü Olarak Çifteler Hâra-yı Hümayunu ve Türk Atçılığına Katkıları. – IN: *Eskişehir Osmangazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*. – 2009. – Vol. 10. – № 2. – P. 333-363.

MACFARLANE C. *Turkey and its Destiny: The Result of Journeys Made in 1847 and 1848 to Examine into the State of that Country*. – London: John Murray, 1850. – Vol. 1. – XII+543 p.

MIRZOEV A.S., CHANAK M.-R.K. *Lichnost' Magomet Ash Atazhukina v kontekste uchastiya Khadzhhretskoi Kabardy v Kavkazskoi voine* [The Personality of Mahomet Ash Atazhukin in the Context of Participation of the Hajreti Kabarda in the Caucasus War]. – IN: *Caucasology*. – 2022. – № 2. – P. 37-54. (In Russ.).

MIRZOEV A.S., CHANAK M.-R.K. «*Vol'nye kabardintsy*» v kontekste russko-turetskikh i osmano-cherkesskikh otnoshenii pervoi polovine XIX stoletiya na osnove rossiiskikh i osmanskikh istochnikov [“Free Kabardians” in the Context of Russian-Turkish and Ottoman-Circassian Relations in the First Half of the 19th Century Based on Russian and Ottoman Sources]. – IN: *Caucasology*. – 2022. – № 4. – P. 69-87. (In Russ.).

ORHONLU C. *Osmanlı İmparatorluğu'nda Aşiretlerin İskânı*. – İstanbul: Eren Yayıncılık, 1987. – XX+152 p.

Ottoman Archives of the Directorate of State Archives of the Presidency of the Republic of Turkey.

REDHOUSE J.W. *An English and Turkish Dictionary, in Two Parts, English and Turkish, and Turkish and English*. – London: Bernard Quaritch, 1856. – XXVI+1149 p.

SARIBAL İ. *Osmanlı Devleti'nde Muhaceret, İskân ve Entegrasyon: Bursa Sancağı Örneği (1845-1908)*. – İstanbul: İdeal Kültür Yayıncılık, 2018. – 186 p.

SAYDAM A. *Kırım ve Kafkasya Göçleri (1856-1876)*. – Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 1997. – 235 p.

SERBESTOĞLU İ., YILDIRIM R. Amasya Temettuat Defterlerinde Göçmen Haneler. – IN: *Geçmişten Günümüze Göç / Ed. by O. Köse*. – Samsun: Canik Belediyesi Kültür Yayınları, 2017. – Vol. 3. – P. 1497-1505.

*Shamil' – stavlennik sultanskoi Turtsii i angliiskikh kolonizatorov (sbornik dokumental'nykh materialov)* [Shamil – a Protege of Sultan’s Turkey and the English Colonialists (Collection of



Documentary Materials)] / Ed. by Sh.V. Tsagareishvili. – Tbilisi: Gosizdat Gruzinskoi SSR, 1953. – X+562 p. (In Russ.).

SHEREMET V.I. *Turtsiya i Adrianopol'skii mir 1829 g. Iz istorii Vostochnogo voprosa* [Turkey and the Peace of Adrianople of 1829. From the History of the Eastern Question]. – Moscow: Nauka, 1975. – 230 p. (In Russ.).

TCHIHATCHEFF P. *Lettres sur la Turquie*. – Brussels: Auguste Schnée, 1859. – 84 p.

TOMKEEV V.I. *Kavkazskaya liniya pod upravleniem generala Emanuelya* [Caucasian Line under the Control of General Emmanuel]. – IN: *Kavkazskii sbornik*. – 1898. – Vol. 19. – P. 120-220. (In Russ.).

TORNAU F.F. *Vospominaniya kavkazskogo ofitsera* [Memoirs of a Caucasian Officer]. Moscow: AIRO-XXI, 2008. – 456 p. (In Russ.).

TOSUN M.D. *Çeçenzade Hacı Hasan Paşa'nın Hayatı: Bulunduğu Görevler, Yaptığı Çalışmalar ve Aile Efradı*. – Istanbul, 2014. – 225 p.

WAGNER M. *Reise nach Persien und dem Lande der Kurden*. – Leipzig: Arnoldische Buchhandlung, 1852. – Vol. 1. – VIII+360 p.

### **Информация об авторе**

Г.В. Чочиев – кандидат исторических наук.

### **Information about the author**

G.V. Chochiev – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 16.01.2023 г.; одобрена после рецензирования 14.02.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.

The article was submitted 16.01.2023; approved after reviewing 14.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.